

М. В. Галимзянова, П. М. Касьяник, Е. В. Романова

ВОСПРИЯТИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ В СВЯЗИ С РАННИМИ ДЕЗАДАПТИВНЫМИ СХЕМАМИ*

Родительское отношение понимается как социальная установка по отношению к детям, включающая в себя рациональный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Если в процессе воспитания не удовлетворяются эмоциональные потребности подростка, развиваются ранние дезадаптивные схемы, которые способствуют возникновению нарушений взаимоотношений во взрослом возрасте. Целью работы стало изучение взаимосвязи выраженности дезадаптивных схем у взрослых людей с восприятием родительского отношения к ним в подростковом возрасте. Обнаружены достоверные корреляционные связи особенностей родительского отношения в подростковом возрасте, каким его воспринимают респонденты, и выраженности у них дезадаптивных схем. Выявлена положительная корреляционная взаимосвязь показателя эмоциональной дистанции со стороны матери и ранних дезадаптивных схем из группы нарушенных отношений привязанности. Восприятие матери как эмоционально холодной, дистанцирующейся и не принимающей, ощущение недостатка любви, тепла, заботы и поддержки в отношениях с матерью в детстве и подростковом возрасте может приводить к формированию дезадаптивных схем. В отраженном родительском отношении проявляются некоторые черты, которые обуславливают формирование ранних дезадаптивных схем, развивающихся в дальнейшем как важные личностные качества. В выборке респондентов, обратившихся за психологической помощью по поводу проблем в разных сферах взаимодействия с другими людьми, обнаруженные корреляции помогают лучше понять механизмы формирования негативных установок и иррациональных убеждений в детском возрасте под влиянием семейного воспитания. Результаты исследования согласуются с положениями теории развития и воспитания, а также существенно дополняют представления о семейном воспитании и могут использоваться в практической работе по консультированию в области семейных отношений. Библиогр. 15 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, развитие личности, ранние дезадаптивные схемы, подростковый возраст.

Галимзянова Мария Владимировна — кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mariross@mail.ru, mary-canto@yandex.ru

Касьяник Павел Моисеевич — кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29; k_pm@animapsy.ru

Романова Елена Васильевна — кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; elenaromanova11@bk.ru

Galimzyanova Maria V. — PhD, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mariross@mail.ru, mary-canto@yandex.ru

Kasyanik Pavel M. — PhD, St. Petersburg Polytechnic University, 29, ul. Politekhnikeskaya, St. Petersburg, 195251, Russian Federation; k_pm@animapsy.ru

Romanova Elena V. — PhD, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elenaromanova11@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 15-06-10825 («Ранние дезадаптивные схемы и субъективные переживания детства в связи с совладающим поведением взрослых»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

**PERCEPTION OF PARENTAL ATTITUDES OF ADULTS IN RELATION
TO EARLY MALADAPTIVE SCHEMAS**

Parental attitude as an attitude towards children includes rational, emotional and behavioral components. When important emotional needs of children and adolescents are not satisfied, the early maladaptive schemas develop, which may contribute to relationship problems in adulthood. The aim was to study the correlation of maladaptive schemas in adults with the perception of parental attitudes to them in adolescence. There are significant correlations among characteristics of the parental attitudes, as it was perceived by the respondents in their teens, and the level of their early maladaptive schemas. Positive correlative relationships were revealed between indicators of emotional distancing by the mother and early maladaptive schemas from a group of disturbed attachment relationships. The perception of the mother as emotionally cold, distancing and not accepting, lack of love, warmth, care and support in relations with the mother in childhood and adolescence can lead to the formation of maladaptive schemas. Parental attitudes to children demonstrate features that determine formation of early maladaptive schemas. In a sample of respondents who sought psychological help concerning problems in various areas of interpersonal relations, the identified correlations will facilitate better understanding of the mechanisms of the formation of negative attitudes and irrational beliefs in childhood that have been influenced by the parenting style. The results of the study are consistent with the provisions of developmental theory and significantly supplement the concept of family parenting and can be used in practical work on family counseling. Refs 15. Figs 4.

Keywords: parent-child relationship, personality development, early maladaptive schemas, adolescence.

Особенности детско-родительских отношений, которые складываются в детском и подростковом возрасте, оказывают огромное влияние на развитие у ребенка системы отношений с окружающим миром и на его личностное развитие. Интериоризованные детско-родительские отношения становятся для детей образцом, на который они ориентируются, включаясь в различные взаимодействия в социуме [1; 2].

Эмоциональная сторона детско-родительских отношений в значительной степени влияет на благополучие психического развития ребенка. Любовь родителей выражается в глубинной привязанности, в удовольствии от общения с ребенком, их радости, принятии, доверии, гордости за ребенка, обеспечении безопасности ребенка, стремлении защищать его, помогать и проводить как можно больше времени вместе. В то же время ответственность, которую несут на себе родители за развитие и благополучие ребенка, предполагает требовательность, контроль и оценочное отношение [2]. Известно, что ребенок старается адаптировать свое поведение к требованиям родителей, максимально развивая способность к кооперации с теми, кто о нем заботится [3].

Характер родительского отношения к подростку и стиль воспитательных воздействий на него зависят от мотивации воспитания и ценности его для родителей. В семьях, где наблюдаются деструктивные детско-родительские отношения, как правило, дети имеют низкую ценность. Деструктивные детско-родительские отношения характеризуются отсутствием эмоционального контакта, конфликтностью, враждебностью, отсутствием диалога, неуважением друг друга. Нередко в таких семьях встречается и жестокое обращение, телесные наказания, запугивания, несправедливость по отношению к ребенку.

Согласно культурно-историческому подходу Л.С.Выготского, воздействие среды на ребенка и, следовательно, ход его психического развития определяются

переживаниями ребенка, характером его аффективного отношения к среде. В переживании ребенка в неразрывном единстве представлены, с одной стороны, обстоятельства среды, а с другой — то, что вносит в переживание сам ребенок как субъект на основании уже достигнутого им ранее уровня психического развития. При этом психическое развитие связано с интериоризацией отношений социального порядка, особенно детско-родительских отношений [1].

В основе теории привязанности Джона Боулби также лежит детский опыт отношений с близкими людьми, их межличностные связи, которые определяют душевный и психологический строй личности, отношение к себе, к миру и другим людям. Ранние переживания со значимыми взрослыми образуют систему мыслей, воспоминаний, убеждений, ожиданий, эмоций и поведения по отношению к себе и к другим, которая прогнозирует, интерпретирует и регулирует поведение, связанное с привязанностью внутри себя и с другими людьми [4].

Объясняя возникновение негативных убеждений, Аарон Бек предложил концепцию когнитивных схем, в которой схема определяется как своего рода форма для упаковки информации в некое когнитивное образование, как вербальное, так и образное. Схема, которая активизируется под влиянием обстоятельств, влияет на кодирование, дифференцирование и отсеивание воспринимаемой человеком информации. Таким образом, человек оценивает происходящее, руководствуясь сформированной у него с детства матрицей схем. Все проблемы человека создаются его неадаптивными дисфункциональными убеждениями, негативной интерпретацией внешних событий, негативным взглядом на себя, на мир и на свое будущее. Возникновение неадаптивных убеждений связано с прошлым человека, когда он еще не имел навыка проводить критический анализ, не имел возможности опровергнуть их, поскольку был ограничен в своем опыте отношений [5].

Основываясь на концепциях Выготского, Боулби, Бека и других авторов, а также на собственном обширном клиническом опыте, Джеффри Янг утверждает, что специфические ранние дезадаптивные схемы (далее — РДС) развиваются в детстве в процессе многочисленных межличностных взаимодействий и формируют модель, лежащую в основе интерпретации последующего опыта [6]. В отличие от когнитивных схем Бека, РДС включают в себя также эмоциональные компоненты, телесные ощущения и воспоминания, сформированные в детстве или подростковом возрасте и развивающиеся в течение жизни. Они являются менее осознаваемыми и имеют тенденцию укрепляться, несмотря на наличие опровергающего их объективного опыта. Это связано с тем, что люди часто используют неэффективные стратегии совладающего поведения, чтобы избежать болезненных переживаний, возникающих под воздействием активизированных схем. РДС способны порождать негативные аффекты большого напряжения, поскольку относятся к важнейшим сторонам жизни, таким как автономия и близость [7]. Восемнадцать схем, описание которых основано на клинических наблюдениях, подразделяются на группы в зависимости от тех потребностей, которые не удовлетворялись или излишне удовлетворялись в детстве. Модель Д. Янга включает пять групп (доменов) схем: нарушение связи и отвержение; нарушение автономии; нарушенные границы; направленность на других; сверхбдительность и запреты. Каждая группа отражает определенную базовую потребность, фрустрация которой приводит к формированию РДС в детстве на основе значимого эмоционального опыта. Характер отношений с родителями

наряду с особенностями темперамента можно рассматривать в качестве источника образования ранних дезадаптивных схем [7–9].

Янг пришел к заключению о том, что существует тесная связь между выраженностью сформированных в детстве ранних дезадаптивных схем и личностными расстройствами у взрослых. В ряде исследований установлена связь между РДС и пограничными расстройствами, анорексией, расстройством пищевого поведения, депрессией и т.д. Многие исследования подтверждают, что, например, ранние взаимодействия, характеризующиеся слабой заботой и сильным контролем, способны повлиять на появление депрессии, отклонений в поведении, нарушений межличностных отношений и даже расстройств личности [11–14].

Несмотря на наличие многочисленных данных о том, что особенности родительского воспитания и влияние раннего опыта могут способствовать появлению РДС, а в дальнейшем и более серьезных нарушений эмоциональной сферы и поведения, данная модель редко используется в исследованиях семейных отношений.

Практическая значимость таких исследований заключается в возможности более «тонкого» и конкретного обоснования интервенций в консультативной и терапевтической практике при работе с семьями и детьми. Целенаправленная и своевременная коррекция детско-родительских отношений позволит избежать интенсивного формирования дезадаптивных схем на ранних стадиях и предотвратить развитие нарушений в эмоциональной сфере и в поведении.

Настоящее исследование имеет целью установить возможную взаимосвязь между выраженностью ранних дезадаптивных схем и характеристиками детско-родительских отношений в подростковом возрасте на основе ретроспективных отчетов взрослых людей.

В исследовании приняли участие 72 человека в возрасте от 21 до 44 лет, психически здоровые, из них 55 женщин и 17 мужчин, обращавшиеся за психологической помощью по поводу проблем во взаимоотношениях с близкими, в семье, на работе.

В качестве диагностических средств в работе использовались следующие методики:

Методика «Детско-родительские отношения подростков» (П. В. Трояновская, в модификации Е. В. Романовой, М. В. Галимзяновой; ДРОП-2).

Для определения особенностей восприятия взрослыми людьми отношения к ним их родителей был использован модифицированный вариант методики. В нем, в отличие от стандартной методики, испытуемым предлагалось ответить на те же вопросы, только не относительно своего отношения к подросткам, а относительно своего восприятия отношения к ним самим со стороны каждого из родителей в подростковом периоде и атмосферы в семье в то время. Представленный вариант методики позволяет изучить восприятие взрослыми людьми отношения к ним со стороны родителей в период подросткового возраста.

Методика состоит из 108 высказываний и восьми незаконченных предложений. Ответы на вопросы даются отдельно по отношению к отцу и по отношению к матери. Оценивается выраженность данной особенности по пятибалльной шкале. В конце опроса подсчитывается сумма баллов по каждой шкале, а затем данные переводятся в проценты. Методика состоит из 20 шкал, объединенных в следующие группы:

- 1) блок, описывающий особенности эмоциональных отношений родителя и подростка: принятие (демонстрация родителем любви и внимания), эмпатия (понимание родителем чувств и состояний ребенка), эмоциональная дистанция (качество эмоциональной связи между родителем и подростком);
- 2) блок, описывающий особенности общения и взаимодействия: сотрудничество (совместное и равноправное выполнение заданий), принятие решений (особенности принятия решений в диаде), конфликтность (интенсивность конфликтов, победитель в конфликте), поощрение автономности (передача ответственности подростку);
- 3) блок контроля: требовательность (количество и качество декларируемых требований), мониторинг (осведомленность родителя о делах и интересах подростка), контроль (особенности системы контроля со стороны родителя), авторитарность (полнота и непрерываемость власти родителя), особенности поощрений и наказаний (качество и количество оказываемых оценочных воздействий);
- 4) блок противоречивости/непротиворечивости отношений: непоследовательность (изменчивость и непостоянство воспитательных приемов родителя), неуверенность (сомнение родителя в верности его воспитательных усилий);
- 5) дополнительные шкалы: удовлетворение потребностей (качество удовлетворения материальных потребностей ребенка, потребностей во внимании, в информации), неадекватность образа ребенка (искажение образа ребенка), отношения с супругом (качество отношений со вторым родителем подростка), общая удовлетворенность отношениями (общая оценка подростком качества отношений с родителем), ценностная ориентация (эта шкала содержит открытые вопросы, которые помогают подростку описать те положительные и отрицательные ценности, которые оказывают влияние на отношения с родителем).

Опросник дезадаптивных схем Янга YSQ S3 (Young Schema Questionnaire) Дж. Янга, в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой [9].

Опросник состоит из 90 утверждений, описывающих различные проявления дезадаптивных схем. Респондент оценивает, насколько каждое утверждение соответствует его опыту и представлениям по шестибалльной шкале Лайкерта от «абсолютно не соответствует» до «абсолютно соответствует». Из-за недостатка места приведем только список ранних дезадаптивных схем, сгруппированных в пять укрупненных категорий в соответствии с неудовлетворенными потребностями развития. С более подробным описанием схем можно ознакомиться в соответствующих публикациях [6; 7; 9; 10].

Нарушение связи и отвержение (*неудовлетворенная потребность в безопасной привязанности и любви*):

1. Эмоциональная депривированность.
2. Покинутость/Нестабильность.
3. Недоверие/Ожидание жестокого обращения.
4. Социальная отчужденность.

5. Дефективность/Стыд.

Нарушенная автономия (*неудовлетворенная потребность в самодостаточности и успешности*):

6. Неуспешность.

7. Зависимость/Беспомощность.

8. Уязвимость.

9. Спутанность/Неразвитая идентичность.

Нарушенные границы (*неудовлетворенная потребность в адекватных границах с другими людьми*):

10. Привилегированность/Грандиозность.

11. Недостаточность самоконтроля.

Направленность на других (*неудовлетворенная потребность в самоуважении и принятии себя*):

12. Покорность.

13. Самопожертвование.

14. Поиск одобрения.

Сверхбдительность и запреты (*неудовлетворенная потребность в свободном выражении потребностей и эмоций*):

15. Подавление эмоций.

16. Жесткие стандарты.

17. Негативизм/Пессимизм.

18. Пунитивность.

Корреляционный анализ выполнялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 22, использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена для непараметрических переменных, а также многофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Средние показатели родительского отношения в целом соответствуют имеющимся в литературе данным о соотношении стилей, используемых матерями и отцами в семейном воспитании: принятие, сотрудничество, мониторинг, контроль значительно более выражены у матерей по сравнению с отцами (рис. 1). Средние значения выраженности РДС в данной выборке соответствуют полученным ранее данным в большой группе взрослых, обращавшихся за психологической помощью [15], а наиболее выраженными оказались схемы «Покинутость», «Недоверие/Ожидание жестокого обращения», «Жесткие стандарты», «Поиск одобрения», «Подавление эмоций», «Самопожертвование», «Привилегированность» (рис. 2).

Корреляционный анализ показателей отраженного родительского отношения (как его воспринимали респонденты в подростковом возрасте) и выраженности ранних дезадаптивных схем позволил выявить определенные закономерности (рис. 3). Установлена положительная корреляционная взаимосвязь показателя эмоциональной дистанции со стороны матери и РДС «Недоверия», «Социальной отчужденности», «Уязвимости», «Спутанности/Нарушенной идентичности», «Жестких стандартов/Придирчивости», «Недостаточности самоконтроля». Восприятие матери как эмоционально холодной, дистанцирующейся и непринимающей, ощущение недостатка любви, тепла, заботы и поддержки в отношениях с матерью в детстве и подростковом возрасте может приводить к формированию РДС из группы нарушенных отношений привязанности. Недостаточное эмоциональное принятие матерью своего ребенка может способствовать формированию у ребенка, подростка,

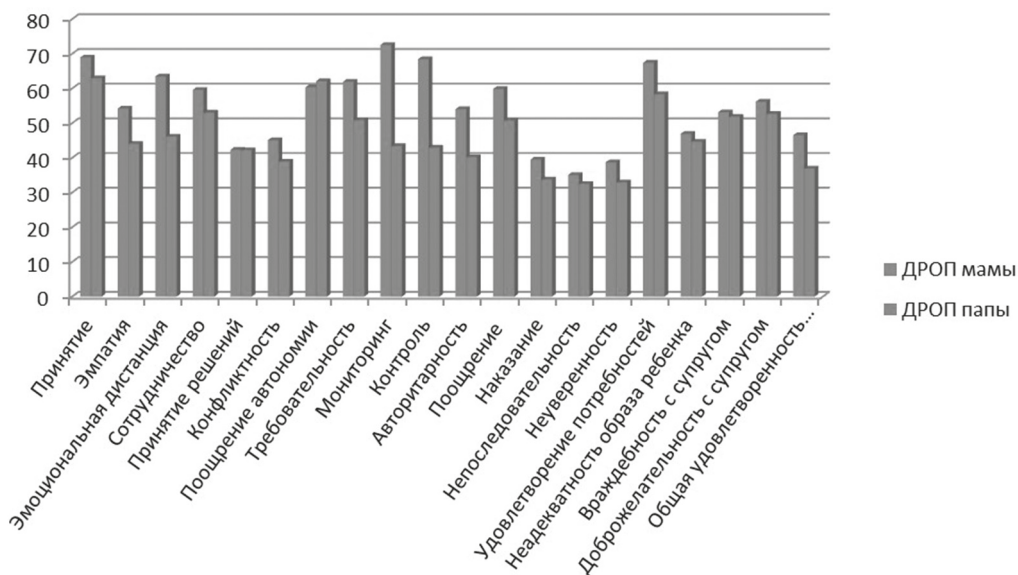

Рис. 1. Выраженность показателей восприятия детско-родительского отношения у взрослых (ДРОП)

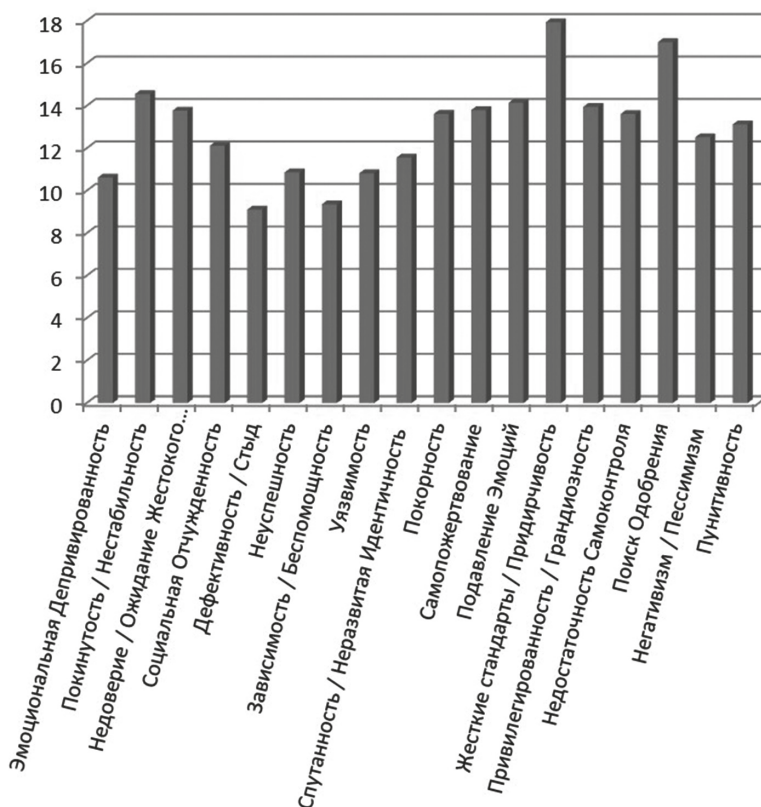

Рис. 2. Выраженность показателей ранних дезадаптивных схем (РДС)

а в дальнейшем и у взрослого, устойчивого чувства одиночества, обездоленности и затруднять установление близких, доверительных и безопасных личных отношений.

Между тем, если в детстве и подростковом возрасте ребенок ощущает теплое, эмоциональное, принимающее отношение матери, ее симпатию и уважение, если у него создается впечатление, что мать принимает его таким, какой он есть, у него может формироваться ощущение надежной, безопасной привязанности и удовлетворяться потребность в стабильных, любящих отношениях. Вырастая, такие люди способны испытывать здоровую привязанность к другим и могут строить личные отношения, исполненные любви, тепла, заботы и поддержки.

Об интенсивности эмоционального контакта можно судить, рассматривая такие показатели, как принятие, эмпатия, доброжелательность. Установлено, что схема «Эмоциональной депривированности» имеет три отрицательные корреляционные взаимосвязи: с показателем эмпатии со стороны матери и со стороны отца (рис. 4), а также с показателем принятия со стороны отца. Очевидно, что подростку, так же как и ребенку, для удовлетворения его эмоциональных потребностей в принятии, заботе, поддержке и сочувствии прежде всего необходимо ощущать эмпатию как мамы, так и папы. Принятие подростка отцом, его доброжелательное отношение, приветливость, проявление интереса к нему дают возможность подростку ощутить, что он любим, значим и принимаем.

Схема «Эмоциональной депривированности» имеет три отрицательные корреляционные взаимосвязи на уровне $p < 0,01$ с показателями сотрудничества, поощрения автономности и поддержки решений подростка со стороны матери, а также две отрицательные корреляционные взаимосвязи на уровне $p < 0,05$ с показателями сотрудничества и поощрения автономности со стороны отца. Показатель поддержки решений подростка со стороны матери имеет также отрицательные корреляционные взаимосвязи со схемами «Покорности» и «Социальной отчужденности».

Одна из важнейших характеристик отношений с подростками — степень контроля их родителями. Показатель контроля со стороны матери имеет положительные корреляционные взаимосвязи с девятью РДС. Чем сильнее ощущается контроль со стороны матери, тем более вероятно образование таких РДС, как «Негативизм/пессимизм», «Недоверие/Ожидание жестокого обращения», «Спутанность/Неразвитая идентичность» ($p < 0,01$). А шесть схем имеют взаимосвязи с контролем на уровне $p < 0,05$: «Покинутость», «Уязвимость», «Покорность», «Жесткие стандарты/придирчивость», «Поиск одобрения» и «Пунитивность».

Показатель требовательности со стороны матери имеет положительные корреляционные взаимосвязи на уровне $p < 0,01$ со схемами «Негативизма», «Жестких стандартов/Придирчивости» и на уровне $p < 0,05$ со схемой «Уязвимости». Показатель мониторинга со стороны матери имеет положительную корреляционную взаимосвязь со схемой «Недоверия/Ожидания жестокого обращения».

Показатель авторитарности со стороны матери положительно коррелирует на уровне $p < 0,01$ со схемами «Эмоциональной депривированности», «Покорности», «Негативизма» и на уровне $p < 0,05$ со схемой «Уязвимости».

Еще один фактор, способный оказывать отрицательное воздействие на ребенка как в раннем, так и в подростковом возрасте, — низкий уровень сплоченности родителей, их враждебность по отношению друг к другу, разногласия, противоречивость

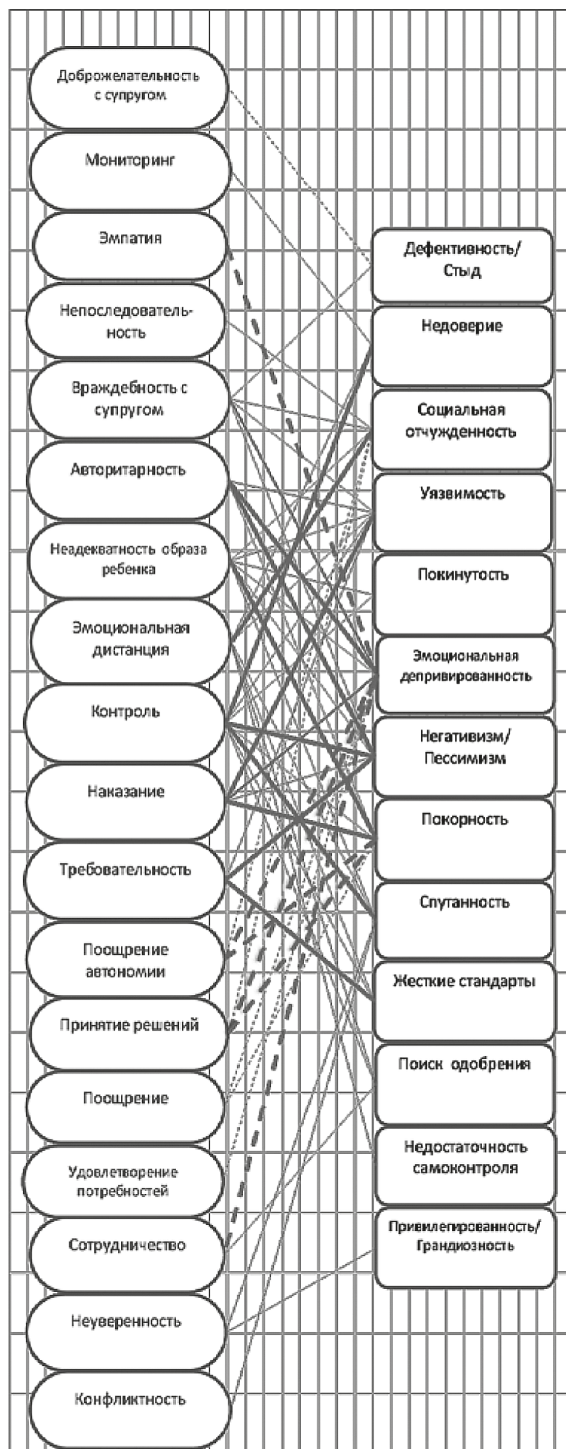

Рис. 3. Корреляционные связи показателей отраженного детско-родительского отношения (ДРОП) со стороны мамы и ранних дезадаптивных схем (РДС)
 — $p \leq 0,01$; - - - $p \leq 0,05$

Рис. 4. Корреляционные связи показателей отраженного детско-родительского отношения к подросткам (ДРОП) со стороны папы и ранних дезадаптивных схем (РДС)

— $p \leq 0,01$; - - - $p \leq 0,05$

и непоследовательность в вопросах воспитания. Показатель враждебности к супругу со стороны матери имеет пять положительных корреляционных связей со схемами «Эмоциональная депривированность», «Социальная отчужденность», «Дефективность», «Уязвимость» и «Негативизм». Показатель враждебности к супруге со стороны отца имеет положительные корреляционные взаимосвязи со схемами «Дефективности», «Неуспешности» и «Уязвимости».

К сожалению, довольно часто у родителей затруднено правильное понимание чувств, мыслей, мотивов тех или иных поступков их детей. Показатель неадекватности образа ребенка у матери имеет семь положительных корреляционных связей на уровне $p < 0,05$ со следующими схемами: «Эмоциональная депривированность», «Покинутость», «Социальная отчужденность», «Уязвимость», «Спутанность/Неразвитая идентичность», «Покорность», «Негативизм». Показатель неадекватности образа ребенка у отца имеет положительную корреляционную связь со схемой «Эмоциональной депривированности».

Характер воспитательных воздействий родителей, который может ими и не осознаваться, выражается в определенном отношении к поступкам и эмоциям подростка, к его суждениям и ценностям. На основании проведенного исследования можно считать, что в отраженном родительском отношении выявлены определенные черты, которые обуславливают формирование и развитие РДС. Значительное развитие дезадаптивных схем может способствовать появлению устойчивых нарушений в поведении, восприятии окружающих людей и эмоциональных проявлениях, которые в свою очередь приводят к возникновению проблем во взаимоотношениях в семье, с близкими людьми и на работе.

Рассмотрение взаимосвязей детско-родительских отношений, какими их воспринимали респонденты в подростковом возрасте, и выраженности у них РДС показало наличие достоверных корреляций, объясняющих в значительной степени происхождение психологических проблем в разных сферах взаимодействия с другими людьми. В выборке респондентов, обращавшихся за психологической помощью по поводу указанных проблем, обнаруженные корреляции помогают лучше понять механизмы формирования негативных установок и иррациональных убеждений в детском возрасте под влиянием семейного воспитания. Эти данные хорошо согласуются с теоретическими положениями теории развития и схема-ориентированного подхода в когнитивно-поведенческой психологии. В то же время они существенно дополняют наши представления об этом процессе и позволяют более осмысленно подходить к анализу конкретных случаев в практической работе по консультированию в области семейных отношений и воспитания.

Очевидно, что восприятие взрослыми людьми детско-родительских отношений в период их подросткового возраста не может приниматься как объективное свидетельство о поведении родителей в то время. Возможные искажения реальной картины могут быть вызваны сформированными ранее схемами. Тем не менее на актуальное поведение и переживания человека влияют не сами события прошлого, а тот образ, который запечатлелся и хранится в памяти, в том числе и имплицитно. Именно субъективные особенности восприятия детьми родительского к ним отношения влияют на формирование дезадаптивных схем. Поэтому при коррекции родительского поведения в консультативной и терапевтической практике необходимо учитывать субъективное восприятие детьми и подростками того, как удов-

летворяются или не удовлетворяются их базовые эмоциональные потребности. Если в клинической работе с подростками удастся определить специфические характеристики развития их РДС на основе прошлого опыта отношений в семье, то родители получают конкретные рекомендации по коррекции детско-родительских отношений и развитию адаптивных возможностей их ребенка на основе удовлетворения важнейших эмоциональных потребностей.

Литература

1. Виготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 1136 с.
2. Смирнова Е. О., Савина Е. А. Родители и дети: психология взаимоотношений. М.: Когито-центр, 2003. 230 с.
3. Sears R.R. A theoretical framework for personality and social behavior // *Amer. Psychologist*. 1951. Vol. 6. P. 476–482.
4. Боулби Д. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
5. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности: Практикум по психотерапии. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
6. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide. New York: Guilford Press, 2003. 450 p.
7. Янг Д. Э., Уэйнбергер А. Д., Бек А. Т. Когнитивная психотерапия при депрессии // Клиническое руководство по психическим расстройствам / под ред. Д. Барлоу / пер. с англ.; под ред. Э. Г. Эйдемиллера. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 391–454.
8. Касьяник П. М., Романова Е. В., Фаррелл Дж. М., Шоу А. А. Концептуальные основы групповой и индивидуальной схематерапии // *Российский психотерапевтический журнал*. 2013. № 1. С. 23.
9. Касьяник П. М., Романова Е. В. Диагностика ранних дезадаптивных схем. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2016. 152 с.
10. Young J. Schema Therapy Inventories & Related Materials. New York: Schema Therapy Institute, 2015. 52 p.
11. The Wiley Blackwell handbook of schema therapy: theory, research and practice / ed. by M. van Vreeswijk, J. Broerson, M. Nadort. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2012. 648 p.
12. Avagianou P. A., Zafiropoulou M. Parental bonding and depression: personality as a mediating factor // *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. 2008. Vol. 20. P. 261–269.
13. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
14. Холмогорова А. Б. Схема-терапия Дж. Янга — один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. Т. 22, № 2. С. 78–87.
15. Касьяник П. М., Галимзянова М. В., Романова Е. В. Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования у взрослых, обращавшихся и не обращавшихся за психологической помощью // *Прикладная юридическая психология*. 2016. № 2 (35). С. 75–83.

Для цитирования: Галимзянова М. В., Касьяник П. М., Романова Е. В. Восприятие родительского отношения у взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами // *Вестник СПбГУ. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. Вып. 4. С. 382–394. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.406>

References

1. Vygotskii L. S. *Psikhologiya razvitiia cheloveka* [Psychological Development of Human]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 1136 p. (In Russian)
2. Smirnova E. O., Savina E. A. *Roditeli i deti: psikhologiya vzaimootnoshenii* [Parents and Children: Psychology of Interrelations]. Moscow, Kogito-tsentr Publ., 2003. 230 p. (In Russian)
3. Sears R.R. A theoretical framework for personality and social behavior. *Amer. Psychologist*, 1951, vol. 6, pp. 476–482.
4. Boulbi D. *Priviazannost'* [Attachment]. Transl. from Engl. by N. G. Grigor'eva, G. V. Burmenskya. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 477 p. (In Russian)

5. Bek A., Frimen A. *Kognitivnaia psikhoterapiia rasstroistv lichnosti: Praktikum po psikhoterapii* [Cognitive Psychotherapy of personal Disorders. Psychotherapy practitioner's Guide]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 544 p. (In Russian)
6. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. *Schema Therapy: A Practitioner's Guide*. New York, Guilford Press, 2003. 450 p.
7. Iang D. E., Ueinberger A. D., Bek A. T. Kognitivnaia psikhoterapiia pri depressii. *Klinicheskoe rukovodstvo po psikhicheskim rasstroistvam*. Ed. by D. Barlou. Transl. from Engl.; ed. by E. G. Eidemiller. 3-e izd. St. Petersburg Piter Publ., 2008, pp. 391–454. (In Russian)
8. Kas'ianik P. M., Romanova E. V., Farrell Dzh. M., Shou A. A. Kontseptual'nye osnovy gruppovoi i individual'noi skhematerapii [Conceptual Basis of the Group and Individual Schema Therapy]. *Rossiiskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Russian Psychotherapeutical Journal], 2013, no. 1, p. 23. (In Russian)
9. Kas'ianik P. M., Romanova E. V. *Diagnostika rannikh dezadaptivnykh skhem* [Early Maladaptive schemas Diagnostics]. St. Petersburg, Politekh. un-t Publ., 2016. 152 p. (In Russian)
10. Young J. *Schema Therapy Inventories & Related Materials*. New York, Schema Therapy Institute Publ., 2015. 52 p.
11. *The Wiley Blackwell handbook of schema therapy: theory, research and practice*. Eds M. van Vreeswijk, J. Broerson, M. Nadort. New Jersey, Wiley-Blackwell Publ., 2012. 648 p.
12. Avagianou P. A., Zafiropoulou M. Parental bonding and depression: personality as a mediating factor. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*, 2008, vol. 20, pp. 261–269.
13. Eidemiller E. G., Iustitskis V. *Psikhologiya i psikhoterapiia sem'i* [Family Psychology and Psychotherapy]. 4th ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 672 p. (In Russian)
14. Kholmogorova A. B. Skhema-terapiia Dzh. Ianga — odin iz naibolee effektivnykh metodov pomoshchi patsientam s pogranichnym rasstroistvom lichnosti [Dr. Young's Schema Therapy as one of the most effective methods of personality disorders' treatment]. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, 2014, vol. 22, no. 2, pp. 78–87. (In Russian)
15. Kas'ianik P. M., Galimzianova M. V., Romanova E. V. Vyrazhennost' rannikh dezadaptivnykh skhem i rezhimov ikh funktsionirovaniia u vzroslykh, obrashchavshikhsia i ne obrashchavshikhsia za psikhologicheskoi pomoshch'iu [Early Maladaptive Schemas and Modes severity in those who did apply for psychological help and in those who didn't]. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya*, 2016, no. 2 (35), pp. 75–83. (In Russian)

For citation: Galimzyanova M. V., Kasyanik P. M., Romanova E. V. Perception of parental attitudes of adults in relation to early maladaptive schemas. *Vestnik SPbSU. Psychology and Education*, 2017, vol. 7, issue 4, pp. 382–394. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2017.406>

Статья поступила в редакцию 21 января 2017 года
Статья принята к публикации 26 октября 2017 года